

Догээ-Баары — сердце сфинкса

Река Бий-Хем возле
экспедиционного лагеря
на Вавилинском затоне.
Фото В. Никифорова

Наш «УАЗик» свернул с Кара-Хаакской трассы в степь. Впереди маячила свежая зелень тополиных островков, заблестела вода Бий-Хема. Странное чувство охватывает — его, наверное, испытывал Одиссей, вернувшийся на Итаку. Еще несколько поворотов степной колеи, спуск вниз, в пойму, биение камней под колесами машины, рывок вновь вверх, к свету — и вот мы в экспедиционном лагере у Вавилинского затона. Возвращение в родной дом после бесконечно долгой дороги.

ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ Анджей
Анджеевич — старший преподаватель
кафедры журналистики Института
гуманитарного образования (Санкт-
Петербург). Историк, публицист,
писатель (www.andrzejig.narod.ru)

Любое дело, безусловно, оценивается по результату. Однако в некоторых случаях, как мы знаем, сам процесс достижения результата значим не менее. А уж когда речь заходит об экспедиции... Само это слово заставляет сильнее биться сердца бывалых людей, как боевой клич — сердце ветерана. Шестнадцатилетняя экспедиция в тувинский археологический «заповедник» Догээ-Баары: «как это было»...

Участники раскопок 2002 года.
Крайний слева — автор статьи,
второй слева — зам. начальника
Центрально-Азиатской
археологической экспедиции
Государственного Эрмитажа
С. В. Хаврин, остальные —
студенты и «волонтеры»
экспедиции

Гора Догээ (слева) и степная терраса долины Догээ-Баары (внизу). Фото В. Никифорова

Долина предков

Месяц живем на колесах. Пять тысяч километров по трассам, по проселкам, по горным, степным и таежным колеям. Позади Алтай. Третьего дня, преодолев почти непроезжий перевал Бугузун, мы вступили в вечный, величественный покой Монгун-Тайги. Это — самый дальний и самый высокогорный район Тувы. Спустились отсюда, проехав по немислимым дорогам, жмущимся к монгольской границе. Сегодня утром еще дрогли на посеребрянной заморозком лужайке в верховьях реки Хондергей. Днем настигла нас жара на просторах Тувинской котловины и сгустилась до зноя, когда мы обследовали места старых раскопок в урочище Аймырлыг у безжизненных вод рукотворного Шагонарского моря. И вот в предвечерней прохладе, добрались, наконец, до места желанного отдыха. Наше странствие далеко еще не закончилось, но смысловой его круг замкнулся.

Цель нашей разведочной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в том, чтобы осмотреть, сфотографировать и, главное,

осмыслить как единое целое важнейшие памятники скифской эпохи Саяно-Алтая. Эта идея не могла бы возникнуть, если бы не сенсационные результаты раскопок «золотого» кургана Аржан-2 на севере Тувы, которые показали — мир ранних кочевников Центра Азии был велик, сложен, могуч и в основе своей един. А раскопки Аржана-2 не состоялись бы, если бы не многолетние работы здесь, в долине Догээ-Баары. Тут был собран обильнейший научный материал, вырабатывались основы для датировок центрально-азиатских памятников. Тут сложился круг людей — самоотверженных борцов за постижение далекого скифского прошлого этих мест. Истоки нашей экспедиции здесь. Из семи ее участников пятеро — начальник Константин Чугунов, его жена Мария, фотограф Владимир Тербеннин, водитель Юрий Пищиков и я — работали на Аржане-2. И четверо (те же, кроме Володи) провели здесь, на Догээ-Баары, много полевых сезонов. Собственно, Костя Чугунов все это и затеял: в 1990 году возглавил археологические работы по

исследованию могильника Догээ-Баары-II. С тех пор раскопки ведутся без перерыва семнадцать сезонов. Семнадцать лет в тополиной рощице над Бий-Хемом (так по-тувински называют Большой Енисей) появляется этот вот лагерь.

Если выйти на каменистый берег, откроется вид на север, на горные хребты, идущие один за другим повинаясь величественному ритму. Бурые, зеленые, синие, голубые... А если, пройдя пойму, подняться на террасу — раскинется широкое степное пространство, огражденное с севера и запада невысокими покатыми горами, почти лишенными растительности. Это и есть долина Догээ-Баары. Она тянется километров на 15—20 вверх по Бий-Хему от места его слияния с Каа-Хемом у города Кызыла. Над долиной в ее южной части — вершина Догээ. Она похожа на разрушенную выветриванием каменную голову, а под ней — красно-бурые откосы

и скалы, спускающиеся к степи как протяженное тело и лапы лежащего существа. Сфинкс, охраняющий Енисей и долину. Что означает название Догээ — никто толком объяснить не может. Имя сфинкса. Говорят, что его можно истолковать как «солнечная сторона». А «баары» — склон, то, что находится под. Получается, «Догээ-Баары» — «место под солнцем».

Охраняемая сфинксом долина несет на себе десятки оспин — курганов, собранных в цепочки. Сколько их — точно сказать невозможно: некоторые распаханые или застроены дачами, некоторые полностью разрушены при разработке карьеров на окраинах Кызыла. Более тридцати изучены археологами. Говоря по научному, это все есть «могильное поле Догээ-Баары». С точки зрения древних обитателей этих мест — священное лоно упокоения предков.

С. В. Хаврин и Н. Н. Николаев зачищают погребение. Фото В. Никифорова

Центрально-азиатские россыпи

Туву нередко называют археологическим заповедником. Здесь на степных террасах вдоль речных долин сохранилось бесчисленное множество погребальных комплексов древних и средневековых кочевников — курганных могильников. Скалистые горы, возвышающиеся над долинами, хранят на своих каменных отвесах произведения изобразительного искусства древних охотников и скотоводов — петроглифы. Исследования древностей Тувы начались на рубеже XIX—XX веков. Урянхайский край, или Сойотия (так тогда называли эту страну) поражали первых исследователей — В. В. Радлова, А. В. Адрианова — архаичностью своего жизненного уклада, сохранившего в неизменном виде черты, восходящие ко временам ранних кочевников.

В двадцатых годах в независимой Тувинской народной республике работал классик сибирской археологии С. А. Теплоухов. После вхождения Тувы в состав СССР в 1944 году археологические исследования здесь стали проводиться систематически. А в шестидесятых-семидесятых годах развернулась деятельность Саяно-тувинской археологической экспедиции Академии наук, пожалуй, не имеющей равных по масштабам и размаху. Главной задачей СТЭАН было изучение памятников, попадающих в зону затопления проектируемой Саяно-Шушенской ГЭС. Возглавил экспедицию ленинградский археолог А. Д. Грач, работали в ней известные ученые: специалист по палеолиту Сибири С. Н. Ас-

«Вид сверху» — так делают фото раскопа. Фото В. Никифорова

Работа на кургане: археология не любит ленивых! Фото В. Никифорова

Распределитель ремней в виде головы грифона. Бронза. Курган 12. V в. до н.э. Фото С. Шапиро

тахов, выдающаяся исследовательница центрально-азиатских петроглифов М. А. Дэвлет, известные археологи А. М. Мандельштам, Д. Г. Савинов и другие.

Экспедиция, состоявшая из нескольких отрядов, хорошо обеспеченная авто- и даже авиатранспортом, получившая поддержку тувинских властей, развернулась и за пределами зоны затопления, в центральных и в труднодоступных юго-западных районах Тувы. В начале семидесятых на севере Тувы, в долине реки Уюк, экспедицией под руководством М. П. Грязнова (тоже ленинградца, как большинство сотрудников СТЭАН) и тувинского археолога М. Х. Маннай-оола был раскопан поразительный памятник, получивший наименование «Аржан-1», — гигантский (120 метров в диаметре) царский курган, заключавший в себе сложную радиальную структуру из десятков листовничных клеток и множество человеческих и конских погребений. Открытия тех лет показали: на территории Тувы

Поминальник скифского времени, в кладке которого автор обнаружил каменную личину. Фото из архива К. Чугунова

Портупейная обойма. Бронза. Курган 4. V в. до н.э. Фото С. Шапиро

в древности бурлили и кипели страсти, выковывалась необычная раннекочевническая культура. Это была часть гигантского, простиравшегося до берегов Дуная мира воинственных всадников и скотоводов, именуемых, с легкой руки Геродота, скифами.

Исследование археологических памятников Тувы продолжалось, хотя и не с тем размахом, после прекращения деятельности СТЭАН, после смерти «отцов» тувинской археологии Грача, Грязнова, Мандельштама. С восьмидесятых годов и до сего дня в разных уголках Тувы работает экспедиция Института истории материальной культуры РАН под руководством В. А. Семенова. В середине восьмидесятых в отряде Семенова появился молодой археолог Костя Чугунов. В 1989 году он получил Открытый лист на проведение разведывательных работ по Каа-Хему и в районе Кызыла. И обратил внимание на многочисленные курганы долины Догээ.

О существовании этого обширного могильного поля было известно и раньше. Соратница Грача, занимавшая когда-то высокие посты в руководстве Тувинской АССР, Т. Ч. Норбу в разговоре с автором этого очерка утверждала, что еще в шестидесятых годах она намеревалась затеять здесь раскопки, но не смогла за недостатком средств. В конце восьмидесятых археологи забеспокоились: курганам Догээ-Баары грозит разрушение. Часть уже снесена при разработке карьеров; часть попала в зону, отведенную под строительство дач и под распашку. Надо что-то делать. Удалось каким-то чудом получить финансирование, и с лета 1990 года начались раскопки. Двенадцать лет ими руководил К. В. Чугунов. А после его ухода на Аржан-2 — специалисты из Эрмитажа С. В. Хаврин и Н. Н. Николаев.

У этой экспедиции есть особенность: она изначально была делом друзей, собранием равных. Да и не выжила бы она в лихие девяностые, если бы рядом с начальником не оказались друзья, единомышленники, собратья. Были годы, когда работали на чистом энтузиазме. С «гайдаровской» реформы 1992 года многие (думаю, большинство) не только не получали за экспедиционные труды зарплату, но ездили из Петербурга в Туву за свой счет — в отпуск. Были годы, когда даже на пропитание приходилось занимать деньги у кызыльских друзей. Только с 2002 года, когда экспедицию взял под свое крыло Эрмитаж, ее материальное положение более или менее стабилизировалось. Но раскопки не прекращались ни на один сезон.

Немного золота, немного бронзы...

Очень хорошо помню первое лето на Догээ-Баары. Раскоп. Жара — под сорок и за сорок. Работаем — копаем большой, 24 метра в поперечнике, курган скифского времени (как потом выяснилось — V в. до н.э.). Камни лежат, окопанные, на грунтовых останцах, похожие на грибы. Жжет солнце, спина пылает, пот капает и заликает глаза при каждом взмахе лопатой. Хочется пить. Ладони в кровавых мозолях от кайла. За кайло я схватился потому, что должен был себе и всем доказать, что я, новичок, могу работать не хуже прочих. До меня дошел слух, что, узнав о моем приезде, начальник раскопа сказал:

— Зачем Анджей приедет? Ра-бо-тать? Он у меня умрет на раскопе!

Теперь я доказываю, что не умру. Чем тяжелее работа, тем жарче азарт. Кровь течет по руке, я луплю по слежавшемуся галечнику... Тресь! Рукоятка не выдержала, сломалась. Жарко, хочется пить...

Перекур, сидим под тентом, в душной тени. Какой-то разговор, ничего не значащий треп. Всем хочется холодного пива — до того, что оно, в виде огромной запотевшей бутылки, как будто возникает из воздуха. Коллективная галлюцинация.

— Ну, пойдём, поработаем! Возрадуемся! — говорит начальник раскопа, глядя на привешенные к поясу часы.

Идем медленно, босиком по колючим распластанным по земле кустикам, являющим собой чуть ли не един-

Костяные и бронзовые наконечники стрел, обоймы, крюки. Курган 19. IV в. до н. э.

Деревянный гребень, бронзовое зеркало, бронзовые и костяные наконечники стрел и др. предметы. Курган 18

Фото С. Шапиро

ственную тут растительность. Наша одежда: плавки (в лучшем случае шорты) и платок на голове (в лучшем случае картуз). Из-под ног время от времени взлетает саранча-кобылка, громко трещит бордовыми крыльями и падает. Отвал. Раскоп. Лопата, тачка, тяпка, совочек, нож, метелка, флейц. Желтоватый грунт. Поиски структуры сооружения. Наука...

А вот — едем по местам старых раскопок на «РАФике». Шофер Шамбун, тувинец, лицо круглое, темное, непроницаемое, слов почти не говорит. Когда пьет водку — не пьянеет и не суетится, а каменеет; с каждым стаканом становится прямее, молчаливее, неподвижнее... Будда. Горы вокруг соответствуют Шамбуну. Молчаливые, темные, неподвижные. «РАФик» каким-то чудом проезжает по здешним дорогам. Серпантин. Прижим. Перевал. С перевала видна страшная даль, как будто вся Тува, все мироздание в один миг открылись взору. Бесконечность... И снова — спуск, серпантин, шоферские памятники вдоль дороги.

А вокруг лагеря доцветает шиповник. Костяника красненькими капельками среди травы. Сидим на длинной коряге, принесенной на берег половодьем, смотрим на воду. Все спокойно, все просто: Енисей течет вечно, и гора Догээ с отрогами-лапами, похожая на сфинкса, стоит вечно, и вечно-равнодушно глядит на нас, крохотных. Хорошо.

Заканчивается июль. Костя Чугунов задумчиво ходит по краю могильной ямы, что-то записывает в свой полевой дневник. Потом, отложив тетрадку в сторону, спускается в яму, берет лопату. Работает быстро, точно. Тут же все мы, грязные, в поту, копошимся, режем слежавшийся суглинок штыковой лопатой.

В тот год в кургане обнаружили скелетик ребенка, немного бронзы, деревянное блюдо, гребень. Оба центральных погребения оказались грабленными: в них, кроме костей — несколько золотых бляшек с изображением козликов, да шпилька, обтянутая золотом.

Базовый комплекс

Именно потому, что работы на Догээ-Баары велись (и, надеюсь, будут продолжаться) так долго и последовательно, этот комплекс приобрел особое значение для изучения всего древне-кочевнического мира Центральной Азии и Сибири. Для археологии Тувы его можно назвать базовым. Это значит, что исследованы не какие-то обрывки и фрагменты дошедшего до нас прошлого, а все, что доступно исследованию, в комплексе. Здесь нет главного и второстепенного. С равной методичностью изучены погребения богатые и бедные и даже вовсе пустые поминальнички. Золото, железо и бронза, костные останки и дерево срубов из трех десятков разновременных курганов подвергнуты анализу с использованием современных физических, химических и биологических методов. На основа-

нии радиоуглеродного анализа древесины из разных курганов получены датировки, которые позволяют существенно уточнить хронологию скифской эпохи Центральной Азии. Прослежена конструкция надмогильных сооружений. Обследовано, хотя бы отчасти, межкурганное пространство. Ландшафт, вмещающий древние памятники, тоже стал предметом изучения и осмысления. Бродя по степи, сотрудники экспедиции находили немало интересного. Камни с петроглифами, например...

Навсегда запомнил я свою единственную находку такого рода. Вечер. Жара спала. В мягком свете склоняющегося к западным горам солнца, один, без цели и смысла, шагаю по спокойной степи. Мысли, столь же безотчетно-безграничные, как это небо, начинают копошиться в голове. И вдруг я физически чувствую на себе чей-то взгляд. Из земли на меня и сквозь меня смотрят таинственные глаза. Я закружился на месте, внимательно осматриваясь. И не сразу разглядел в кладке маленького поминальничка, почти заплывшего землей, крупный камень, на котором рукой человека, жившего три тысячи лет назад, выбиты глаза, рот, широкий плоский нос... Такие петроглифические изображения называют личинами. Лик вечности.

Что греха таить, археологи в душе — кладоискатели. Каждый мечтает сделать сенсационное открытие, раскопать свою Трою. Да и финансирование легче бывает найти под проект, обещающий что-нибудь грандиозное. По этой причине рядовые памятники прошлого исследованы куда хуже, чем выдающиеся. А при изучении выдающихся памятников внимание сосредоточивается на самом блестящем. Достаточно вспомнить великие по своему научному значению работы М. П. Грязнова и С. И. Руденко в урочище Пазырык. Потрясающие вещи из пяти пазырыкских курганов — дерево, войлок, кожа, ткани, мумифицированные останки — украшают сейчас экспозицию Эрмитажа. Совсем недавно, перед тем как совершить бросок через горы в Туву, мы посетили места этих знаменитых раскопок. И убедились в том, что оба замечательных ученых копали только могилы. Копали сквозной или глухой траншеей, пробиваясь к могильной яме, и большую часть каменной кладки даже не трогали. А что в ней? А что под ней? Неизвестно. Малые курганы, сопровождающие братьев-гигантов, были исследованы фрагментарно, как и пространство между ними.

На Догээ-Баары в центре внимания исследователей оказалась жизнь именно «среднего класса» древних кочевников — в том виде, в каком она отразилась в погребальном обряде и запечатлелась в погребальных комплексах. Конечно, работы в этом направлении велись и раньше. Вот перед приездом в лагерь на Вавилинском мы бродили по заросшим полянью, заплывшим глинистой землей раскопам урочища Аймырлыг.

Отряд СТЭАН, возглавляемый Мандельштамом, много лет проводил здесь комплексные исследования, собрав материал, может быть, даже более значительный, чем на Догээ-Баары... К сожалению, основной объем этого материала так и остался после смерти руководителя неопубликованным и даже необработанным. Почему? Может быть, потому, что здесь не сложился круг друзей-единомышленников, готовых продолжать дело, невзирая на обстоятельства?

Мертвые как живые

Помню я этих «обитателей» кургана 6. В тот год мне пришлось долго и трудно добираться до лагеря на Вавилинском. Приехал, когда раскопки шестого кургана были уже почти закончены. Вхожу в лагерь, под приветливую тополиную сень. У камеральной палатки стоят двое: Чугунов и фотограф Стас Шапиро. Стасик приветливо машет мне ручкой. Не своей ручкой — высохшей, серовато-бурой, со скрюченными пальчиками ручонкой мумии. Подхожу. Возле камералки лежат странные фрагменты: мужской торс, женский, несколько рук и ног, отдельно черепа с остатками мягких тканей... Философское зрелище: навеивает думы о бренности мира и тщете всего сущего... Надо сказать, работать с этим материалом нелегко. Представьте себе: раскапываете вы погребение, работаете внутри сруба осторожно, совочком, флейцем — и вдруг из плотно слежавшегося заполнения могильной ямы проступает коричневый палец с ногтем. Потом вся кисть руки высовывается, как будто хочет вас схватить и утащить в подземный мир. Эти частично мумифицированные (иначе говоря, полуразложившиеся) останки нужно полностью освободить от земли и, не сдвинув, не повредив, тщательнейшим образом зачистить под фотоаппарат.

И только после этого осторожно извлечь для дальнейших исследований.

Любопытно: в скифских курганах Тувы мумифицированные останки встречаются в единичных случаях, а по соседству, на Алтае — очень часто. Может быть, семейство, погребенное в шестом кургане, иммигрировало сюда с Алтая? Во всяком случае, это и многие другие открытия, сделанные за годы раскопок на Догээ-Баары, свидетельствуют о постоянном взаимодействии и взаимовлиянии древних культур средней полосы Евразии. В одном из курганов, в насыпи, был найден китайский колокольчик эпохи Хань; в другом — каменная курильница, такая же, какие находят в Казахстане и Поволжье. Раковины каури могли попасть сюда только с берегов

Индийского океана. Много обнаружено материалов, перекликающихся с Пазырыкской культурой Алтая и Тагарской культурой Хакасии. Эти культуры

К. Чугунов зачищает мумифицированные останки. Курган 6, V—IV вв. до н. э. Фото С. Шапиро

Из работы К. В. Чугунова «Некоторые итоги исследований могильника Догээ-Баары II», 1999 г.:

«В большинстве случаев курганы имели каменно-земляное наземное сооружение. В основе его лежал выкид грунта из глубокой центральной могильной ямы, сверху вымощенный камнями. Все курганы имели ограду из крупных каменных блоков или плит, с внешней стороны которой часто выкапывался ровик с проходами по центральной оси основного погребения. Могильная яма зачастую имела перекрытие на уровне горизонта. <...> Это перекрытие должно было поддерживать надмогильное сооружение, имевшее форму цилиндрической башни из плит и валунов. <...> Внутри ямы располагалась погребальная камера — прямоугольный сруб из лиственничных бревен или брусьев. <...> Погребенные помещались внутри сруба в обычной для скифского времени Тувы позе на левом (реже — правом) боку с согнутыми в коленях ногами, руки вытянуты перед туловищем, головой ориентированы на западный сектор. <...> Все центральные погребения, кроме одного, оказались ограбленными. <...> Некоторые

могильные ямы к моменту ограбления не были засыпаны грунтом, то есть курган какое-то время после захоронения существовал как открытый погребально-поминальный комплекс. На этом этапе могли осуществляться подхоронения в сруб умерших родственников, выполнялись поминальные ритуалы. <...>

В погребальном обряде и связанных с ним ритуалах важное место занимал огонь. В заполнении могил часто встречаются угли, бревна перекрытий могильных ям иногда обожжены. <...> Можно предположить, что это места жертвоприношений, так как среди углей найдены пережженные кости. Обнаруженные в двух ямах обугленные лопатки, возможно, говорят о магических обрядах, совершавшихся здесь. <...>

В центральной могиле кургана 6 найдены останки семи погребенных. Некоторые тела частично сохранили кожный покров и следы искусственной мумификации (разрез на животе, зашитый нитками). <...> Следы ограбления здесь свидетельствуют о том, что перекрытие взламывалось в не засыпанной землей могиле: удаленное бревно и жердь отброшены к стенке ямы».

Золотая нашивка в виде орла,
Догээ-Баары II.
Курган 20. V—IV вв. до н.э.
Фото из архива К. Чугунова

в общем синхронны большинству памятников Догээ-Баары (V—IV вв. до н.э.). Но есть и переклички во времени. Бронзовое зеркальце из кургана 20 украшено изображением кабана, выполненным в стиле, близком Аржану-2 (вторая половина VII в. до н.э.) и даже Аржану-1 (конец IX в. до н.э.); изящно-массивный баранчик, украшающий застежку портупей из кургана 10, — явно близкий родственник баранов с наверхий из Аржана-1.

На материале этих памятников можно отчасти реконструировать жизнь восточно-скифского мира времени его становления и расцвета. В середине I тысячелетия до н.э. воинственные всадники, сломив сопротивление иных народов и впитав их культуру, безраздельно господствовали в степных долинах Саяно-Алтая. Но не было у них покоя. Останки многих погребенных несут на себе следы военных столкновений. Наконечники стрел, застрявшие в костях, проломленные черепа... В эту эпоху и далекий Запад узнал силу скифского воинского духа: в VI—IV вв. до н.э. их летучие отряды держали в страхе оседлое население Ближнего Востока и Причерноморья. По-видимому, столь дальние военные экспедиции лишили степные кланы лучшей воинской силы, а внутренние смуты окончательно подорвали их мощь. Раскопанные в 2001—2006 годах на Догээ-Баары курганы поздне-скифской эпохи (III—II вв. до н.э.), при их крайней бедности, дают, однако, ценный материал о временах упадка скифско-

го мира и его постепенного растворения под ударами пришедших с юга завоевателей-хуннов. Здесь сама бедность показательна. Как и заметное видоизменение погребального обряда: могильные ямы не так глубоки, срубы в них выстроены из обгорелого дерева... Некоторые срубы сильно пострадали от огня, плававшего в них с такой силой, что оплавилась керамика. Скифский мир уходил, выгорал в этих погребальных кострах, улетал дымом в вечное небо над Енисеем... Превращался в загадку для будущих поколений. Загадку, спрятанную в сердце Сфинкса.

Осмотрев раскоп этого года, возвращаемся в лагерь. Там ждет ужин, и молодежь активно таскает бревна и коряги, готовит праздничный — ради нашего приезда — костер. Похоже, отдохнуть сегодня не придется. Я вдруг понимаю: здесь, в лагере на Вавилинском, в раскопках на Догээ-Баары, выросло целое поколение. Этого юношу с пробивающимися усиками я помню здесь еще дошкольником; та девушка, намеревающаяся осенью выйти замуж, трехлетней девчонкой бегала по острову, ловила мотыльков... А сколько студентов прошло через эту экспедицию! Жизнь здесь бесконечна и непрерывна; лучи, сходящие с вершины Догээ, соединяют все и всех — стариков с молодыми, настоящее с прошлым, нас, сегодняшних странников, с суровым и загадочным миром древних воинов, чьи тела были положены в подземные жилища, а души вечно странствуют в небесном просторе...

Пояс с обоймами в виде
голов грифонов.
Бронза, кожа. Курган 17

Фото С. Шапиро

Пояс с обоймами в виде
голов грифонов.
Бронза, кожа. Курган 17